

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Лобастов Г. В. К определению понятия культуры // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 188–194. DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1.22

Дата поступления 25.02.2020 г.

УДК 316.342.6

Геннадий Лобастов¹

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье, посвященной памяти Сергея Николаевича Мареева, в жанре эссе сделана попытка проблематизировать понятие культуры, показать его всеобщепредикативный характер и субстанциальные основания. При попытке понять культуру осмыслена противоположность формально-логического обобщения и содержательно-теоретического выведения конкретно-исторических культурных образований и их обособления в нравственности и искусстве. Продемонстрирована сложность поиска критериальных определений культуры.

Ключевые слова: культура, предметно-преобразовательная деятельность, основание, начало, свобода и творчество, субъективность, понятие, личность, С. Н. Мареев.

¹ Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ (НАУ). Москва, Россия. E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru. РИНЦ AuthorID: 789335

В давние времена, лет пятьдесят назад, кафедра философского факультета МГУ, где я был аспирантом, готовила сборник научных работ. В прихожей однокомнатной квартиры, чтобы никому не мешать, я две ночи выстукивал на своей «Эрике», достаточно знаменитой тогда пишущей машинке, то, что шло мне в голову, — без оглядки на принятые нормы подготовки аспирантских статей и безликую стилистику. Пять закладок папиросной бумаги. Этот текст, составивший более двадцати страниц, наверняка где-то лежит в моих архивах. Почему-то он был назван мною «Цивилизация и культура».

Это была первая моя статья, написанная без всяких источников и сверки своих представлений с существующими в литературе. Это определило и своеобразие стиля, и меру глубины аналитических синтезов последовательно развиваемой мысли. В предлагаемом эссе я продолжаю эти размышления в связи с тем, что писал С. Мареев. Одна из его работ названа «Боль за русскую культуру» [Мареев, 2011]. Эта боль стала содержанием многолетнего творчества моего друга Сергея Мареева (1941–2019), который имел совершенно определенную позицию в мире борьбы добра и зла.

Должно сказать, что только в отвлечении от всего, что могло навязывать форму и содержание, от необходимости цитатами аргументировать мысль (а тем самым быть зависимым от цитируемой мысли) — только в этом внешнем осво-

ждении можно приобрести так называемую внутреннюю свободу. Свободу мысли. Когда все книжки, над которыми ломал голову, отброшены, когда забыто, кто и что писал, зачем и по какой проблеме. Когда осталось только то, что ушло в субъективность и осело там, ушло из сознания, что формирует «бессознательное» — ту сферу, которую именно так любит называть, мало то понимая, современная психологическая наука, а вслед за ней всяк, кто пытается рефлексивно всмотреться в себя. И только тема, которая вдруг оказалась проблемой, начинает вас вести, все более погружая в те слои, которые, казалось бы, никогда не были в сознании. Не были в процессах активного осознания того содержания, с которым сталкивалась твоя субъективность.

И потому кажется, что природа этой субъективности вообще к внешне-практической деятельности человека отношения не имеет. Не случайно Фрейд «обнаружил» ее «по ту сторону культуры и цивилизации». И это, сущее в теле, в биологии и физиологии тела до культуры, поднимается в сознание (стихийно или сознательно — с помощью психоаналитика), сублимируется и входит в культуру, даже порождает ее, определяя ее контуры и смысловое содержание. И было бы удивительно, если бы не нашлось тех, кто не начал бы искать другие, нежели Фрейд и вся натуралистическая, биологизаторская линия мысли до него, — не начал бы искать другие основания культуры. И было бы удивительно, если бы не нашлось тех, кто в культуре не увидел бы злое, разрушающее

естественное бытие человека, содержание. Тяга в пещеру, в райское блаженство каменного века с цветущими полями вокруг, с экологически чистыми горными ручейками, конечно, легко объяснима, ибо в пространстве человеческого бытия индивид, живущий блаженными сказочными идеалами, сталкивается с такими ужасами, которые даже умный ум, чистый и непроданный, объяснить не может. «Естественная» жизнь кажется им более благородной, чистой, божественной. И вся эта «общественно-историческая суэта», выявляемая сознанием и ощущаемая чувством, становится содержанием искусства.

«Первым моим учителем оказался Карл Маркс, — пишет Сергей о себе, — дело объясняется просто: в библиотеке славного сторожевого корабля «Кондор», на котором я служил матросом, оказался первый том сочинений Маркса и Энгельса еще первого издания, и этот том там был единственный» [Мареев, 2011b, с. 7]. Удивительно, сколь похожими могут быть судьбы: в те же годы, я, прихватив с собой первый том «Капитала» Маркса, ушел на рыболовном судне, тоже матросом, в Северную Атлантику, с удивлением его читал и сохраняю его с исчерканными страницами до сих пор [Лобастов, 2018]. Может, это обстоятельство обоим нас привело впоследствии к Эвальду Васильевичу Ильенкову [Лобастов, 2004], хотя мы обучались на различных кафедрах. Он на кафедре логики, я на кафедре диалектического материализма. Сергей пишет: «В годы моей учебы в МГУ он (А. А. Зиновьев — «тоже мой университетский учитель») заведовал кафедрой логики и угощал нас всякими «неклассическими» логиками, которые, как говорил Зиновьев, «придумывал сам» [Мареев, 2011b, с. 12]. Я искал истоки сознания, потому тяготел к психологии, но одновременно кормился позитивизмом, господствовавшим на факультете. Но вот оба пришли к Ильенкову: с одного факультета, с одного курса, похлебавши ума из разных кастрюль, и разными путями. Но пути наши сошлись и научным и человеческим смыслом только у Ильенкова.

Смыслы определяются движением форм объективной действительности общественно-исторического бытия, его внутренней логикой, логосом, как сказал бы Гераклит. Идеей, как выразили бы это дело Платон и Гегель. И надо немало ума, чтобы увидеть в этой действительности необходимо возникающие точки, в которых начинается объективное внутреннее различие ее собственных моментов и их обособление в устойчивых объективных формах. Сама эта форма устойчи-

вой общественно-исторической деятельности приобретает объективный, независимый от человека, характер и начинает господствовать в мире материального бытия, не имея в себе «ни грана материальности». Это — идеальная форма, форма всеобщая, форма, принадлежащая каждому, кто включен в культуру, т. е. в общественное производство предметного человеческого мира и мира смыслов. Которые, смыслы, начинают жить как бы своей, обособленной от «грязи земного мира» жизнью, накладывая свою, уже вторичную, печать на формы движения человеческой культуры, точно так же порождая культуру вторичную. Логика эта ведет в пустоту симулятивной деятельности, бытие представляется симулякрами, но человеческий ум окультуривает эту пустоту, иногда замечая, что ноги не ощущают твердой почвы. Но от этого идеально-всеобщие формы действительности, конечно, не теряют себя. Но они обволакиваются и заполняются волнами безумия, хотя ясно — без них уже не только ум, но и сама объективная действительность падает в тупик небытия.

Капитал открыто и в то же время незаметно культивирует культуру, которая оборачивается злом. И не просто оборачивается в каком-то моменте, а имплицитно и перманентно его несет в себе. И как заглатывается это улыбающееся зло неразвитым эстетическим чувством, уродующим себя в этом потреблении! Конечно, образ сформированного уroda [Мареев, 2011c], о чем пишет Мареев, предпосылкой своей имеет образ идеальный, или иначе, тот идеал, определение которого нельзя дать вне серьезного философского мышления. Потому искусствоведение и культурология без культуры мышления — просто движение по фактам (можете их назвать артефактами) в болоте эмпиризма. Оценивая эти факты (и представления о них) блестящими в этой болотной грязи мнимыми преходящими ценностями.

Это, конечно, не говорит о культуре ума, но различать истину от заблуждения, тем более от лжи, мы обязаны, коли желаем войти в высокую культуру человеческого бытия. Разумеется, и это есть факт, и история немало дает нам образцов высокого духа. Но от моды, как говорил Гегель, никуда не уйти. Здесь, в преходящих, квазисамостоятельно бытующих формах интереса, в убогом сознании, отражающем столь же убогий срез действительности, пересекается преходящий индивидуальный интерес и бессознательное историческое движение объективного духа, духовной культуры человечества. «Бесконтрольнейшее го-

сподство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести и мысли», — цитирует Мареев Гегеля, иллюстрируя то, за что его, Гегеля, выражающего явно «большевистскую», по мнению Сергея, позицию, «ненавидят либералы, начиная с Шопенгауэра и кончая Поппером» [Мареев, 2011, с. 25].

Да и за теми образами, которые создает теоретическая философия, тоже прячутся особые жизненные позиции. Каждая из которых, естественно, претендует на свою истинность и потому всеобщность. И потому же проявляет свою «агрессивность». Некое насилие над сознанием, культивируя его, это насилие, особым образом. Не только через педагогику, куда философия входит неявным образом. Но и через искусство, которое гораздо осознаннее несет в себе тот или иной философский принцип. Про явные же формы «обмирщения философии» (К. Маркс) говорить не тут место, но умная ее сторона, не та «скелетная», которая практически во всех случаях только и излагается в университетских курсах и учебниках, — умная ее сторона, иначе говоря ее внутренняя суть, восходит и держит в себе идеальные формы человеческой предметно-образовательной деятельности, а, следовательно, ее универсальную логику. То есть то, в чем живет истинная культура человеческого мышления, которая выражена в классической линии исторического развития философии.

Живет как всеобщая и объективная форма. Сделать ее формой мышления индивидуально-субъекта и значит окультурить его субъективность, вывести ее на абсолютную позицию как позицию самообоснованной истины. Только этот момент в содержании субъективности дает истинную свободу — ту самую способность, ту самую определенность, которая великими мыслителями — от Гердера, через Фихте-Гегеля, до Маркса, — мыслилась как смысл исторического развития, то бишь развития самого человека, его исторического культурного самотворения.

Вот эти всеобщие-универсальные определения человека, свобода и творчество, будучи историческим человеком осознаны, в серьезной тео-

ретической философской рефлексии и дают возможность осмыслить начало культуры. Без такого философского взгляда это начало нельзя понять, а без понятия этого начала вы не поймете и эти всеобщие определения человека, тем самым не поймете ни смысл, ни содержание, ни логику человеческого бытия.

Здесь эмпиризм, плюрализм, релятивизм и прочее, конечно, будут пытаться обосновать себя, не видя своего собственного действительного объективного облика. И своих тупиковых пределов. И наука, претендующая на понимание культуры, культурология, будет в произвольности гулять по материалу исторических представлений, содержащих оценочные суждения о культурных образованиях. Всегда пытаюсь создать некий упорядоченный образ культуры, мнимо связанный этими культурологическими представлениями. А если заметить, что в формально-логической трактовке понятие культуры захватывает все видообразования человеческой исторической действительности, и граница ее, культуры, очерчивается именно этой действительностью, и ею же, этой границей она отделяет человеческий способ существования от естественно-природного, — если это не упускать из виду, то, о чем тогда идет речь? Какая действительность выступает денотатом понятия культуры? Каков ее собственный предмет?

«Культура является предметом изучения философии, культурологии, истории, искусствознания, лингвистики (этнолингвистики), политологии, этнологии, психологии, экономики, педагогики и др.», — пишет Википедия, от чего понятнее дело не становится. И продолжает: «Под культурой понимают человеческую деятельность в её самых разных проявлениях, включая все формы и способы человеческого самовыражения и самопознания, накопление человеком и социумом в целом навыков и умений. Культура предстает также проявлением человеческой субъективности и объективности».

Как легко здесь заменить слово «культура» любым другим широким и известным понятием, по объему совпадающим с «человеческой деятельностью в ее самых различных проявлениях»! Там, где суждение оборачиваемо, т. е. субъект и предикат совпадают, одинаково значащим образом можно говорить о том и о другом в их раздельности [Лобастов, 2017]. В таком случае можно было бы культуру изучать именно как эту общественно-историческую деятельность, ее историческое движение с выведением необходимости ее исто-

рического общественного разделения вплоть до выявления оснований обособления собственно культуры как специфической формы деятельности общественно-исторического человека. То есть той деятельности, через которую, в призме которой осмысливается любое предметное образование, любая предметная форма, которая в каждом своем моменте, конечно, характеризуются всеобщими предикатами осмысливающего себя человечества. Поэтому понятие культуры здесь приобретает предикативную функцию.

И если в самом деле историческое развитие обособляет внутри себя некую деятельность, относительная обособленность которой требует и особого терминологического обозначения, то соответствующая наука обязана показать необходимость такого отщепления этой особой формы деятельности и ее особую, значащую для целостности бытия человека функцию, объективное смысловое назначение.

А поскольку субстанцией человеческой действительности является деятельность трудовая, деятельность преобразования природы в формы, обеспечивающие и определяющие человеческое бытие, постольку сам человек здесь определяется этим преобразованием. То есть культурой. Коль скоро мы в понятие культуры вводим все творимое человеческой историей, историческим человеком. Л. С. Выготскому принадлежит заслуга создания культурно-исторической психологии, которая рассматривает психику — и ее развитие в личностную форму — как имеющую свое основание в культуре.

Что в некотором отношении удивительно, поскольку философия за сотню лет до (Фихте, Гегель, Маркс) показала и даже развернула это обстоятельство. И, разумеется, не случайно эта психология ориентирована методологическими принципами философии Маркса. Историческая культура здесь понята как субстанция возникновения и становления человеческой личности. Человек вообще возникает как существо самоопределяющееся. Иначе говоря, все определения, которые содержит в себе человек, суть определения самого человека, он сам их в себе формирует. Все, что принадлежит истории, принадлежит человеку. И им же создано.

«Безликий человек, человек «массы», как его называют со времен Ницше, — пишет Мареев, — ни к какому творчеству не способен. Богатство и разнообразие культуры делает человека оригинальной личностью» [Мареев, 2011а, с. 377]. Формирование (происхождение) человека, действи-

тельно, с самого начала опосредствовано его преобразующей, творящей активностью, становление человека человеком — это и есть процесс его окультуривания. Внутренняя дифференциация человеческого исторического содержания, о природе чего не здесь речь, обособляет и такую форму человеческой деятельности, которую научная рефлексия сознания называет собственно культурой, т.е. той специфической сферой, в которой культивируется духовная жизнь человека. Содержание этой духовной жизни (культуры) так или иначе, но всегда вырастает из реальной преобразующей деятельности человека, в смысле своем содержании в идеальной форме развивая выявляемые возможности действительности. Этот идеальный момент является реальным содержанием личности, личность — это окультуренное тело индивида, способное к свободному движению внутри созданных историей культурных форм. Как раз это движение в формах и по формам культуры вынуждает индивида формировать в себе соответствующие субъективно-психические функции с их смысловыми нагрузками. Поэтому личность есть всегда свернутая в точечность, объективно заданная индивиду устойчивая форма исторической культуры. Разумеется, не все содержание исторической действительности сворачивается в способностях индивида, но всеобщие ее, этой культуры, формы задаются с бессознательной необходимостью. Чем и создают иллюзию их прирожденности.

Выражение «культура человека» означает меру развития способностей адекватного движения по логике идеальных форм. Идеальная форма вырабатывается внутри исторического развития человека, и она отражает всеобщий способ его деятельности. «Культурный человек» поэтому воспроизводит в своем поведении (любой деятельности) этот бессознательный глубинный аспект своей духовности и умеет его сделать основанием своих суждений и поступков. В поступках и суждениях мы видим действительную меру человечности в человеке, его окультуренности. Поэтому культура всегда связана с идеалом.

Тут как будто напрашивается мысль, что понятие культуры совпадает с понятием труда: преобразующий труд окультуривает предмет преобразования, а преобразование предмета есть деятельность окультуривания. Преобразование и окультуривание как процессы совпадают. И, казалось бы, нет нужды в разведении этих понятий. Совпадают и способы движения преобразующей деятельности и деятельности окультуривания.

Тем не менее понятие культуры отслаивается от понятия преобразования и становится универсальной характеристикой (определением) всей полноты и любого особенного феномена человеческой действительности. И нет ничего удивительного в выражениях такого типа: культура преобразования и преобразующая культура. Культура самой культуры — если такое выражение несколько и режет ухо, то только потому, что само ухо не окультурено, его слух не способен войти в смысловые различия внутри самого культурного содержания. Ибо в составе создаваемой человеком действительности есть и такие порождения, которые выводятся нравственным смыслом за рамки культуры. И мы видим внутреннее расчленение понятия культуры: культура перестает быть всеохватывающей, а относится только к таким формам деятельности, интенции которых связаны с утверждающими человеческое бытие идеалами.

Другой стороной оказывается бескультурье, отсутствие культуры. Которое тоже, легко понять, культивируется, и особые условия общественной жизни придают этой культуре бескультурья вполне определенный смысл. И это далеко не симулякры, как можно было бы сказать в постмодернистской традиции. Культура бескультурья, или субкультура, касается не только субъективно-человеческого поведения, она связана с особым характером общественного производства человеческой жизни. С отчуждением труда. И со всеми феноменами отчуждения, на этой основе возникающими.

Казалось бы, все, что человеком производится, все, на чем лежит печать преобразования, есть образование культурное. Но само это преобразование может оказаться далеким от культуры. И здесь мы опять наталкиваемся на странные противоречия. Насилие — феномен человеческой культуры. Ибо оно осуществляется как человеческая деятельность, т.е. средствами и способом, выработанным в истории, и всегда определена особыми целями, вытекающими из общественного содержания бытия. Разумеется, я здесь отвлекаюсь от естественно-природных явлений, где нам видится насилие, ибо это скорее есть именно естественно-природная связь, а не феномен, возникающий в истории. Поэтому культура насилия — это тоже культура. Хотя это не только режет ухо, но и как будто противоречит только что высказанному суждению о явлениях бескультурья.

Однако насилие есть момент исторического развития, и оно окультуривается с движением

истории. От грубых форм своего выражения насилие сегодня уходит в такие слои и расщелины человеческого бытия, что не воспринимается сознанием как насилие. То есть не осознается. Но оно существует во всех формах человеческого бытия. Даже в утверждении самой человечности. Даже в утверждении свободы. Через насилие человек утверждает себя как человек. И делает это не только утверждением канонов и стандартов, моральных норм и логических законов, но и оно, это насилие, выступает внутренним определением самого преобразующего труда как субстанции и условия непосредственной человеческой жизни.

А что же такое культура мышления? Ведь само окультуривание, превращение любой формы объективной действительности в форму культуры, в окультуренную форму, в общей форме совпадает с формой самой преобразующей деятельности. А эта форма, форма преобразования, взятая в ее всеобщности, и есть, собственно говоря, мышление, идеальная форма деятельности, внутренний момент любой практической деятельности.

И однако, — культура мышления! Снова как будто тавтология. Но так или иначе, а есть некий процесс окультуривания самого мышления, предполагающий его неокультуренную форму. Но процесс окультуривания мышления никак не может быть понят без самого мышления. Без способности мышления вы не преобразуете, не окультурите ничто в этом мире. И здесь круг. И не только логический. Ибо логический круг отражает в действительности нечто «кругообразное», замкнутое на себя, воспроизводимое, самодостаточное. А потому содержащее в себе момент абсолютного.

С этим же моментом абсолютного связано и понятие личности. Личность есть высший продукт исторического развития. «Значение личности ... состоит в том, что только через личность идет общественное развитие, — пишет Мареев, — но и развитие личности идет через развитие общества. Чем более развито общество, тем более благоприятные условия оно представляет для свободного развития личности. И в этом состоит закономерность исторического развития. Что касается общественного упадка, то он означает не только упадок культуры, но и измельчение личности» [Мареев, 2011а, 375]. Вся культура так или иначе сосредоточена в формах личностного бытия. Безличность есть объективно нечто недоразвитое. Духовность, которая развивается усилиями самого духа, воплощенного в личностное

бытие, и представляет собой ту сферу, которую в собственном смысле и должно называть культурой. Это культура личности. По большому счету, это означает культуру общественных отношений — от отношений материального производства до отношений нравственных. Ибо личность здесь прорастает и здесь реализует себя как преобразующий объективные условия и самого себя человек. Вместе со своим духом.

Обнаружение субстанционального основания человеческого культурного бытия перестраивает само понятие культуры. Смысл понятия культуры теперь сводится к преобразующей сути предметной деятельности человека в пространстве и времени. И здесь мы выходим за пределы формально-логического описания культурных феноменов, а логикой объективного развития содержания человеческой действительности вынуждены именно эту логику и выстроить — как логику возникновения и бытия культуры. Более того, как исходный принцип производства всей полноты человеческого

содержания, как в объективной, так и в субъективной форме. Принцип перехода объективного в субъективное и наоборот как формирующий и развивающий человеческую субъективность (личность) и был развернут в той самой статье моего аспирантского периода «Цивилизация и культура», настоящее же эссе выглядит введением в ее строго логическое содержание.

Эти несколько разбросанные рассуждения о культуре как объективной исторической форме отношения человека к самому себе, как объективном смысле своего самосознающего бытия, есть своеобразный рефлекс на многогранное творчество Сергея Николаевича Мареева, ушедшего из жизни, но сохранившего себя в ней своими неординарными трудами. «Долго думал, — пишет он о своей научной судьбе, — чем все это закончить. А потом решил: чего же заканчивать, когда жизнь-то еще не окончена. Так что продолжение следует...» [Мареев, 2011b, с. 12].

И я надеюсь, что продолжение последует. Только уже после жизни.

Список источников

Лобастов Г. В. На пути к Ильенкову // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. Москва: РГГУ, 2004. С. 136–165. ISBN 5-9290-00573 2004.

Лобастов Г. В. Путь к свободе («воспоминания» о «Капитале») // Альтернативы. № 2, 2018. С. 137–141.

Лобастов Г. В. Слово и сознание: в пространстве культурно-исторической психологии (к 120-летию Л. С. Выготского) // Вопросы философии, 2017, № 6. С. 122–132.

Мареев С. Н. Боль за русскую культуру // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011. С. 24–28.

Мареев С. Н. Зачем человеку личность // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011а. С. 355–380.

Мареев С. Н. О времени и о себе // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011b. С. 7–12.

Мареев С. Н. Уроды // Мыслить... (избранные статьи последних лет) / С. Н. Мареев. Москва: СГУ, 2011с. С. 13–23.

IN MEMORY OF SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV (1941–2019)

Gennady Lobastov¹

TO THE DEFINITION OF CULTURE

Abstract. In an article dedicated to the memory of Sergey Nikolaevich Mareev, an attempt was made in the *essay genre* to problematize the concept of culture, to show its universally-predicative nature and substantial grounds. In an attempt to understand culture, the opposite of formal logical generalization and substantive theoretical derivation is shown of concrete historical cultural formations and their isolation in morality and art. The difficulty of finding criteria for cultural definitions is demonstrated.

Key words: culture, subject-transformative activity, foundation, beginning, freedom and creativity, subjectivity, concept, personality, S. N. Mareev.

1 **Lobastov Gennady V.** – Dr. Sci. (Philos.), Professor. Moscow Aviation Institute (National Research University) – MAI. Moscow, Russia.
E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru. **РИНЦ AuthorID: 789335.**

References

Lobastov G. V. Na puti k Ilyenkovu [On the way to Ilyenkov]. *Eval'd Vasil'yevich Ilyenkov v vospominaniyakh* [Evald Vasilyevich Ilyenkov in his memoirs]. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2004. 308 p. P. 136–165. ISBN 5-9290-00573 2004 (in Russian).

Lobastov G. V. Put' k svobode («vospominaniya» o «Kapitale») [The path to freedom ("memories" of "Capital")]. *Al'ternativy* [Alternatives]. No. 2, 2018. P. 137–141 (in Russian).

Lobastov G. V. Slovo i soznaniye: v prostranstve kul'turno-istoricheskoy psikhologii (k 120-letiyu L. S. Vygotskogo) [Word and consciousness: in the space of cultural-historical psychology (on the 120th anniversary of L. S. Vygotsky)]. *Voprosy Filosofii*, 2017, No. 6. P. 122–132 (in Russian).

Mareyev S. N. Bol' za russkuyu kul'turu [Pain for Russian culture]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011. 586 p. P. 24–28 (in Russian).

Mareyev S. N. Zachem cheloveku lichnost' [Why does a person need a personality]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011a. 586 p. P. 355–380 (in Russian).

Mareyev S. N. O vremeni i o sebe [<Conversations> about time and about oneself]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011b. 586 p. P. 7–12 (in Russian).

Mareyev S. N. Urody [Freaks]. *Myslit'... (izbrannyye stat'i poslednikh let)* [Think ... (selected articles of recent years)]. S. N. Mareev. Moscow: SGU Publ., 2011c. 586 p. P. 13–23 (in Russian).